

КОНТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ ИСТОЛКОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Процесс понимания предполагает постижение адекватного значения слова в исследуемом тексте, без чего невозможно описание и последующее объяснение материализованных в тексте философских идей. Раскрытие значения слова в тексте осуществляется в процессе контекстуального анализа. Под контекстом в данном случае будем понимать соединение слова в тексте с его индикатором, находящимся в непосредственной или опосредованной связи с анализируемым словом. Зависимость отношения «знак-значение» от контекста выражается в следующих двух аксиомах:

- аксиома контекста: «Всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков»[1; 123, 125.];
- аксиома значения: «Значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» »[1; 123, 125].

Всесторонне выполненный контекстологический анализ дает возможность исследователю понять текст. Но достаточно ли этого для того, чтобы реконструировать замысел автора текста, воссоздать во всей полноте тот реальный смысл, который приобретало его учение в процессе исторического развития философской мысли? Очевидно, нет. Смысл высказывания в его полноте постигается в сопоставлении того, что выявляет исследователь в результате анализа слов и сочетаний их в тексте, с тем, что он извлекает из умолчаний текста. «Торжество исторической критики, - подчеркивает В.О.Ключевский, - из того, что говорят люди известного времени, подслушивать то, о чем они умалчивают»[2; 349].

Многомерность, полифоничность, полилогичность истории обуславливает многозначность слова, и, соответственно, - необходимость некоторых процедур, направленных на выявление того значения, которое свойственно знаку в языке данного текста. В общем виде смысл процедур сводится к деятельности по декодированию текста, зашифрованного его автором.

Необходимость всестороннего контекстологического анализа обусловлена не только специфическими трудностями, возникающими в процессе историко-философского истолкования текстов. Она является обязательной предпосылкой истолкования текста вообще, независимо от того, в пределах какого типа духовной деятельности этот текст был создан. Если автор отправляется от значения и выбирает наиболее адекватное для выражения его слово, то интерпретатор текста соотносит его с аналогами, выработанными на основе собственного языкового опыта, накладывая, таким образом, интерпретацию на закодированное сообщение. При этом задача сводится к выявлению некоторого общего кода, того «ближнего» значения слов, которое создает предпосылки для понимания текста. Совокупность конкретно-исторических условий, в которых создавался текст, обязательно предопределяет дополнительную смысловую окраску, которая придается знаку в тексте, обуславливает большие или меньшие отклонения значения от общего кода.

Все это выдвигает на первый план проблему термина как существенной части научного текста. Важнейшим признаком термина является моносемия, взаимнооднозначная связь с понятием, им обозначаемым. Философия, как всякая развитая система специальных знаний, излагается на особом языке, предназначенном для выражения специфически философских знаний. Своеобразие языка любой специальной дисциплины отражается в его словаре и правилах, регулирующих построение корректных предложений данного языка. Чем более специальна область знания, тем специфичнее словарный состав языка, которым она пользуется.

Сущность термина «значение», пишет А.Ф.Лосев, «заключается в том, что он выражает собою точку встречи знака и обозначаемого, ту смысловую арену, где они, встретившись, уже ничем не отличаются друг от друга»[3; 124]. Но на пути к объединению знака с обозначающим предстоит преодолеть сопротивление языковой среды, в которую включается слово. Речь в данном случае идет о том явлении, которое М.Бахтин называет «диалогической ориентацией слова среди чужих высказываний того же языка [4; 88, 89-90]. Направленное на свой предмет слово входит в эту диалогически взволнованную и напряженную среду чужих слов, оценок и акцентов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одними, отталкивается от других, пересекается с третьими; и все это может существенно формировать слово, отлагаться во всех его смысловых пластах, осложнять его экспрессию, влиять на весь стилистический облик» [4; 88, 89-90].

Слово, его значение, таким образом, формируется как реплика в диалоге, неся отпечаток сложного переплетения диалогических линий, которые пересекаются вокруг предмета обозначения. Слово как носитель значения и смысла не равно себе, оно – «хамелеон, в котором каждый раз возникают не только разные оттенки, но иногда и разные краски» [5; 77.]. Причем эти значения, строго говоря, возникают не внутри слова, а на стыке его с иными словами, обрамляющими его в тексте, они высекаются на рубеже слова в результате взаимодействия с иными словами. Вербальное окружение, предшествующее слову или следующее за ним, а также отношения и связи с этим словом, влияющие на его значение и понимание, обычно именуют контекстом.

Контекст может играть элиминирующую роль: снимая многозначность, он указывает на то единственное значение, в котором оно употребляется в данном тексте. Чаще роль контекста – ограничивающая. Он, скорее, не снимает многозначность, а существенно ограничивает ее, создавая предпосылки для последующего уточнения смысла в процессе ситуационного анализа. Наконец, контекст, в том числе в историко-философском истолковании, может служить не только идентификации известных историку философии значений слова, но и создавать дополнительные значения (гиперсемантизация) и, напротив, элиминировать некоторые значения, присущие данному слову в языке историка философии (десемантизация) [6; 163-249]. Контекст создает специфические условия, в которых слово обрастает значениями и созначениями, не свойственными ему вне контекста. Таким образом, в данном случае контекст не столько снимает многозначность, сколько, наоборот, увеличивает ее, создавая возможность приписывать слову новые значения. Истинное значение слово приобретает в предложении. Поэтому именно предложение является исходной основой контекстологического анализа. Объясняется это особенностями построения любого текста, в котором при всей присущей ему полисистемности можно выделить некоторые базисные фразы, имеющие вид простых предложений, которые образуют ядро текста. Наличие в тексте базисного ядра обуславливает способность текста к уплотнению, к реферативности. «Эта способность текста любой величины к реферированию, к сворачиванию во фразы, - отмечает С.Б.Крымский, - свидетельствует о важнейшей роли предложения в логической структуре текста. Предложение само по себе есть текст определенного порядка, и то, что любой текст шире фразы может быть сведен к нему, позволяет рассматривать предложение как исходную «клеточку» любого текстового представления знания» [7; 48.]

Процедуру контекстологического анализа можно представить как построение «лестницы контекстов», на каждой ступени которой осуществляется уточнение значения слова в исследуемом тексте. На начальном этапе учитываются:

- а) общесловарные значения слова, которыми оно обладает в языке исследователя;
- б) условно-словарный контекст, выявляющий переносные значения слова в языке исследователя;
- в) контекст языка эпохи (общесловарный и условно-словарный), к которой принадлежал автор текста;
- г) контекст языка той социальной группы, которой текст адресован;
- д) контекст языка того философского направления, течения, к которому принадлежит автор текста;
- е) контекст языка философской школы, которую представляет творец изучаемого текста;

ж) контекст языка философской системы автора;

з) контекст языка данного текста.

Объем контекста на всех ступенях постоянный. Он не выходит за рамки предложения как монады текста. В общем плане в «лестнице контекстов» можно выделить 3 основных образования:

1. Контекст языка исследователя;
2. Контекст языка тех социальных общностей, к которым принадлежал изучаемый мыслитель;
3. Имманентный контекст языка автора и его произведения.

Смыслы, имманентно присущие текстам, как подчеркивает М.Бахтин, «могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох»[8; 239.]

Это позволяет говорить о двух уровнях историко-философского контекстологического анализа – рассмотрении интересующего исследователя феномена в контексте замысла и контекста смысла. Сочетание результатов истолкования на обоих уровнях позволяет достичь того, что М.Бахтин называет «обогащением смысла». К такому результату должно стремиться историко-философское истолкование, и именно он определяет актуальность исследуемой с точки зрения обогащения современной философской культуры. Необходимость сочетания во время историко-философского анализа контекстологического истолкования замысла и смыслов предполагает вместе с тем четкое различие этих двух видов анализа. Смешение контекста замысла и контекста смысла ведет к неизбежному затемнению, а зачастую к прямой фальсификации реальной картины развития философской и общественной мысли, не позволяет научно описать и объяснить изучаемый феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Проблема символизма и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. С. 123, 125.
2. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М.: Наука, 1968.- С. 349.
3. Лосев А.Ф. Проблема символизма и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. -С. 77.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. -С. 88, 89-90.
5. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. – М.: Сов. писатель, 1965.-С.77.
6. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. Новое в лингвистике.- М.: Прогресс, 1970. - С. 163-249.
7. Крымский С.Б. Научное знание и принципы его трансформации. – Киев: Науково думка, 1974.- С. 48.
8. Бахтин М. Смелее пользоваться возможностями // Новый мир.- 1970. - №11.- С.239.